

АРХЕОЛОГИЯ

РАННЯЯ КЕРАМИКА И ФОРМИРОВАНИЕ ГРЕБЕНЧАТОЙ И ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В НЕОЛИТЕ ТОБОЛО-ИШИМЬЯ

В.А. Зах, Д.Н. Исаев

Рассматривается вопрос о происхождении керамического производства в Тоболо-Ишимском регионе и формировании местных орнаментальных традиций: гребенчатой в Притоболье и гребенчато-ямочной в Приишимье. Изготовление посуды и отступающе-прочерченная орнаментация были принесены представителями боборыкинской культуры в среду местного мезолитического населения. В процессе ассимиляции женщины-аборигенки начинают украшать керамику в своей манере, вероятно, имитируя швы с берестяных емкостей. Можно обнаружить аналоги швам на современных изделиях из бересты в древних орнаментах, таких как «шагающая» гребенка, ряды горизонтальных и вертикальных оттисков гребенки. Постепенно, вероятно, в силу этнического различия населения Притоболья и Приишимья гребенчатая традиция разделяется на две области: гребенчатую и гребенчато-ямочную.

Тоболо-Ишимье, появление керамики, боборыкинская и кошкинская посуда, отступающе-прочерченная орнаментация, сшивание бересты, имитация швов, гребенчатая, гребенчато-ямочная орнаментальные традиции.

Происхождение и развитие культур неолитического времени в Западной Сибири не может рассматриваться вне процессов происхождения гончарства. По мнению многих исследователей, керамическое производство и орнаментальная традиция в регионе развились самостоятельно. Так, М.Ф. Косарев [1991] и В.И. Молодин [1985, 1995] считают, что наиболее древняя местная посуда украшалась узорами, выполненными в отступающе-накольчатой технике. В.Ф. Старков писал, что восточно-уральская и среднеиртышская неолитические культуры сформировались на единой мезолитической основе. К их ранним этапам он относил посуду с отступающе-прочерченным орнаментом, таким образом, видимо, предполагая ее автохтонность [Старков, 1980]. С точки зрения В.Т. Ковалевой, неолитические культуры лесного Зауралья сложились на основе местного мезолита, козловская продолжала развитие местных традиций, кошкинская же испытывала влияние, а возможно, и прямую инфильтрацию южного населения. Вместе с тем исследователь отмечает, что, «по-видимому, в обоих случаях уместно предположить влияние южного импульса на развитие керамического производства. Этим можно объяснить многие общие черты в орнаментации кошкинской и козловской групп» [Ковалева, 1989, с. 62].

Однако существует и противоположная точка зрения. Так, О.Н. Бадер отмечал, что умение делать керамику было заимствовано древними уральцами у южных соседей [1970, с. 159]. Л.Л. Косинская, указывая на сходство раннеолитической посуды Урала и Западной Сибири с керамическими комплексами некоторых культур центральной и северо-восточной части Европейской России, связывает его с одинаковыми процессами становления неолита на указанных территориях и рассматривает «продвижение керамики на север как результат культурной диффузии, т.е. как поэтапное заимствование готовой технологии все более северными группами населения УЗС КО — последнюю стадию процесса, начавшегося еще в период «неолитической революции» на Ближнем Востоке. Передающими звеньями этой культурной инновации из степей должны были служить культуры южной (лесостепной) части ее ареала» [2002, с. 222].

Гипотеза Л.Л. Косинской во многом близка модели, предложенной В.И. Тимофеевым для Центральной Европы [2002, с. 210], согласно которой становление неолита на Балканском п-ве является результатом диффузии из ближневосточного региона, а на лессовых равнинах Европы — результатом прихода носителей линейно-ленточной керамики около 7000–6800 л.н. по некалиброванной шкале. Появление керамики в лесных районах Восточной Европы связывается не с многочисленными миграционными потоками, а с диффузией, через цепочку «культур с дву-

Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций...

язычием в контактных зонах». Для ранненеолитического периода лесной полосы исследователь отмечает «стабильность населения, четко прослеживаемые явления диффузионного проникновения новых технических навыков (прежде всего керамического производства)» [Там же, с. 210].

Формирование волго-уральской культуры, имеющей корни в местном мезолите, происходило под влиянием восточно-прикаспийского и приаральского населения. Видимо, от него «были заимствованы идеи и навыки изготовления глиняной посуды» [Моргунова, 1995, с. 93].

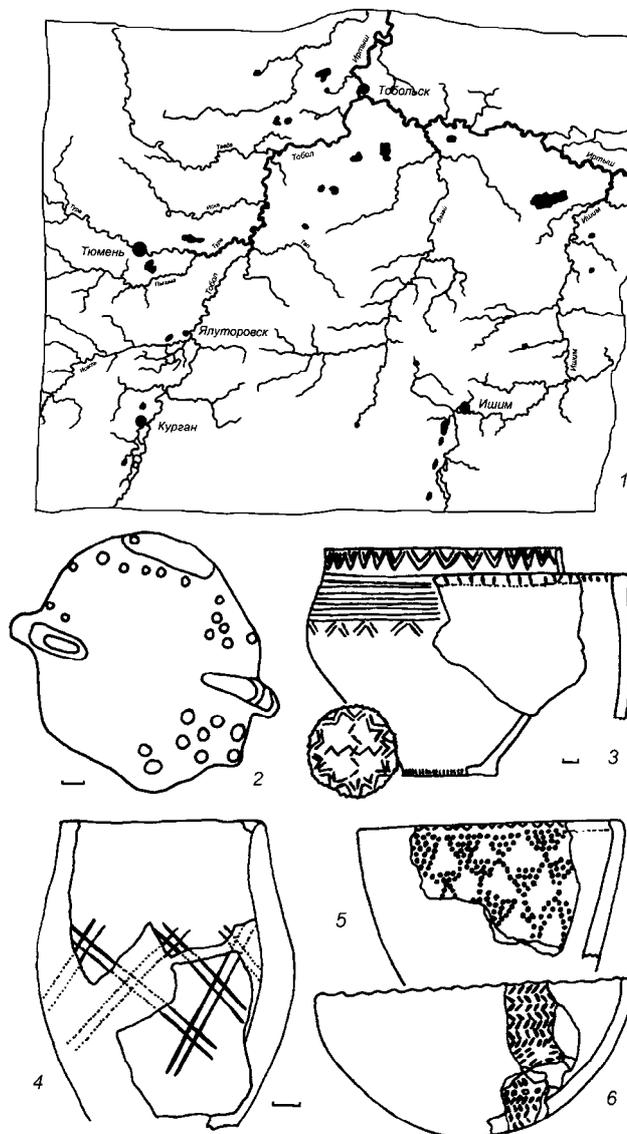

Рис. 1. Территория Тоболо-Ишимья (1) и материалы раннего этапа боборыкинской культуры:
2 — жилище 2 пос. Мержень 3; 3, 5, 6 — посуда с поселения Юртобор 3;
4 — сосуд с поселения Мержень 3

По мнению А.В. Вискалина, при становлении неолита на территории Волго-Камья большую роль играло степное неолитическое население, продвинувшееся из приазовско-причерноморского региона. Об этом свидетельствуют каменный инвентарь елшанской культуры, инородный по отношению к местным мезолитическим комплексам [Вискалин, 2002].

Таким образом, о привнесении керамического производства в лесостепные и лесные районы Восточной Европы и Западной Сибири говорят многие исследователи, но в отношении ме-

ханизма этого процесса их позиции различны. Предполагается появление гончарства путем диффузии через буферные двуязычные культуры либо в результате миграции.

На наш взгляд, имеющиеся в настоящее время источники дают основание для того, чтобы рассмотреть этот вопрос в общих чертах не только для территории Тоболо-Ишимья (рис. 1, 1), но и для Западной Сибири в целом. Судя по археологическим материалам и радиоуглеродным датам, в конце бореального — начале атлантического периода голоцена в связи с климатическими изменениями в лесостепное и горно-лесное Зауралье, лесостепное Приишимье, Прииртышье и далее в Барабу начинает проникать население с юга, возможно из районов Прикаспия и Приаралья. Переселенцы принесли на новые территории в среду аборигенов — мезолитических охотников, рыболовов и собирателей навыки строительства округлых в плане углубленных жилищ, технологию керамического производства, геометрические микролиты, каменные наконечники стрел и «утюжки», применявшиеся, скорее всего, для изготовления тростниковых древков стрел [Зах, 2005а] (рис. 1, 2–6).

В развитии культуры мигрантов — боборыкинской прослеживается два этапа, боборыкинский и кошкинский, которые различаются по степени ассимиляции с аборигенным населением, что отражают изменения формы и орнаментов посуды.

Основу керамического теста боборыкинской посуды составляли тяжелые, средние и легкие суглинки, в качестве добавок применяли песок, шамот и органику, способствующие формовке, укреплению при усадке и спеканию глинистого материала.

Глинистая составляющая керамики поселений Юртобор 3 (Притоболье) и Мергень 3 (Приишимье) занимала от 40 до 90 % объема теста. Песок заполнял от 10 до 45 % объема керамической массы, в некоторых случаях он добавлялся к тесту, или являлся естественной примесью в глине. Шамот содержится в 90–95 % образцов. Отличительной особенностью глиняного теста посуды Мергень 3 является значительное содержание органических и фосфатных остатков: в 85 % образцов керамики содержались остатки костей, жаберных крышек, чешуи рыб и пустоты от помета и растительности [Пошехонова, 2004]. Это сближает ее с керамическими комплексами поселений днепро-днепецкой, нижневолжской и елшанской культур. По данным А.А. Бобринского и И.Н. Васильевой, в тесте посуды этих культур в качестве естественной примеси зафиксированы кости рыб, обнаружены также отпечатки водной растительности, т.е. основным пластическим сырьем служили не глины, а ил [1998]. Анализ керамики Ивановской стоянки показал, что «для изготовления посуды служила легкоплавкая ожелезненная глина высокой пластичности. В состав формовочных масс входили различного рода искусственные добавки, главным образом органического происхождения, среди которых помет водоплавающих птиц, засоренный обломками пресноводных ракушек, и навоз жвачных животных. Отмечена примесь шамота» [Моргунова, 1995, с. 16]. Не исключено, что при изготовлении посуды гончары поселений Мергень 3 и Юртобор 3 применяли озерные и речные илы, о чем может свидетельствовать алевропелитовая структура цемента, наличие гематитовых стяжений и, вероятно, естественные органические остатки в виде костей, жаберных крышек рыб, водорослей и, скорее всего, птичьего помета. Использование илов при составлении формовочных масс керамики боборыкинской культуры находит аналогии прежде всего в юго-западных районах. Правда, илы этих территорий содержат достаточно большое количество остатков раковин, что фиксируется на сломках керамики поселений Тентексор 1 и Каиршак 1.

Формовка боборыкинских сосудов начиналась от дна. Дно изготовлялось из цельной лепешки, к нему примазывали жгуты шириной 3–5 см, таким образом наращивая тулово снизу вверх. Толщина стенок варьировалась в пределах от 0,5 до 1,4 см. Венчик формировался из последнего жгута. Аналогично изготовлялись сосуды с круглым дном [Пошехонова, 2004]. Близка по технологии посуда с поселения Чертова Гора на р. Конде [Собольникова, 1999, 2001].

Судя по данным петрографического анализа прозрачных шлифов и исследования образцов керамики на растровом электронном микроскопе РЭММА-202, обжиг происходил при температуре несколько выше 400 °С [Ермаков и др., 1989]. На это указывают процесс раскристаллизации керамической массы и появление вторичных карбонатов и минералов: серицита, мусковита, редко биотита, которые разрушаются или теряют свойства при нагревании свыше 700 °С [Зах, 1999; Мыльникова, 1999]. Обжиг, скорее всего, был костровым и непродолжительным.

Боборыкинская керамика плоскодонная и круглодонная, горшковидной, слабопрофилированной и баночной форм, у днищ плоскодонных сосудов довольно часто отмечается орнаментированный выступ. Сосуды крупных размеров, высотой до 35 см, с диаметром устья от 20 до

Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций...

40 см и диаметром плоских днищ в пределах 8–16 см, толщиной стенок преимущественно 0,7–1,0 см. Орнаментированы в основном на 1/3 поверхности, прочерченными линиями, одинарной и раздвоенной отступающей палочкой, круглыми неглубокими ямками, на некоторых экземплярах под краем венчика нанесены глубокие круглые ямки, они наиболее характерны для комплексов Приишимья. В некоторых случаях отмечаются вертикально расположенные элементы — так называемые древовидные фигуры. Есть сосуды с выступами — «ушками» по краю венчика, по мнению некоторых исследователей представляющими собой зооморфные изображения [Ковалева, Арефьев, 1993].

Характерной чертой комплексов боборыкинского этапа является наличие неорнаментированных сосудов, их количество на разных памятниках варьируется от 3,6 до 39,6 %. На поселениях Мергень 3 и Юртобор 3, в наиболее ранних и «чистых» керамических комплексах, они составляют 27,6 и 21,9 % соответственно. Одним из ранних признаков можно считать орнамент в виде мелких неглубоких ямочных вдавлений, нанесенных вертикально поставленной к поверхности сосуда палочкой, он отмечен более чем на 1/5 части сосудов комплексов боборыкинского этапа. К ранним, видимо, относятся узоры (горизонтальная линия, зигзаг, волна), выполненные в прочерченной технике.

В какой-то степени показателем принадлежности комплекса к раннему этапу может служить незначительная доля сосудов, орнаментированных гребенчатыми оттисками, в основном «качалкой». На некоторых поселениях (Двухозерное 1, Усть-Суерка 4, ЮАО 15) довольно большой процент составляет посуда, украшенная одинарной и раздвоенной отступающей палочкой. Эти комплексы мы рассматриваем еще в рамках боборыкинского этапа, но все же они стоят ближе к кошкинским, чем материалы поселений Мергень 3 и Юртобор 3.

В состав формовочных масс кошкинской посуды поселения Мергень 6 входили тяжелые, средние и легкие суглинки с примесью гидроокислов железа, отощителем служили песок, шамот и органика, способствующие формовке и спеканию глинистого материала [Пошехонова, 2004].

Глинистая масса занимает от 40 до 90 % объема теста. В 50 % случаев песок в керамическом тесте присутствует как естественная примесь и занимает от 10 до 35 % объема массы. Шамот содержится во всех образцах керамики и составляет от 2 до 25 % формовочной массы. Зерна неправильной, угловатой формы, соответствуют составу керамики Мергень 6, размеры колеблются от 0,1 до 2 мм. Особенностью посуды поселения Мергень 6 является значительное содержание в тесте органических и фосфатных остатков. В 80 % образцов отмечаются остатки костей, жаберных крышек, чешуи рыб и пустоты от помета и растительности.

Рецепты теста практически такие же, как и на поселении Мергень 3 [Пошехонова, 2004]. Т.Н. Соболюникова, ссылаясь на В.Т. Ковалеву, отмечает, что «по составу формовочных масс кошкинской керамика в целом сходна с боборыкинской посудой. Для них характерно использование органики, что является необычным для зауральской технологической традиции» [1999, с. 16]. Правда, для посуды поселения Чертова Гора, расположенного на р. Конде, хронологически соответствующего кошкинским комплексам Тоболо-Ишимья, определено два основных рецепта керамического теста: Г + Ш и Г + П + Ш, причем первый преобладает. Но при этом совпадают с выявленными для южных (кошкинских) керамических комплексов процентные соотношения добавок шамота и песка к глиняной массе (шамот — 12–27 %, песок — до 35 %) [Там же, с. 13].

Формовка кошкинских сосудов, как и боборыкинских, начиналась от дна. Дно изготовлялось из цельной лепешки, затем к нему примазывали жгуты шириной 3–5 см, наращивая сосуд до верха. Если жгуты примазывались к дну с отступом от края лепешки к центру, получался своеобразный выступ, который на кошкинской посуде меньших размеров и отмечается реже, чем на боборыкинской. Венчик в большинстве случаев формировался из последнего жгута, к нему чаще, чем к боборыкинским, примазывали неширокий жгут снаружи или изнутри, в результате чего получался «карнизик» или «наплыв». Аналогично формовалась и посуда круглодонной формы [Пошехонова, 2004].

Характерной особенностью кошкинской керамики поселений Мергень 5, 6 являются отмеченные в некоторых случаях внутри венчиков канальчики, оставшиеся от сгоревшего шнура. Подобные канальчики прослежены на более поздней, кокуйской керамике Нижнего Прииртышья, а впервые они были обнаружены на кипринской посуде Верхнего Приобья. Как считала М.Н. Комарова, шнуром из растительных волокон или сплетенным сухожилием сосуд обвязывался по венчику при формовке для большей крепости. После обжига нить выгорала, оставляя хорошо заметный на изломах, а иногда и на поверхности канальчик с оттисками волокон [Кома-

рова, 1956]. Аналогичный прием укрепления сырых глиняных сосудов применялся носителями андреевской культуры Нижнего Притоболья [Зах, Фомина, 1999].

Судя по окраске внешней и внутренней поверхности кошкинской керамики, а также изломов, на которых с обеих сторон отмечаются яркие прослойки рыжеватого и темно-охристого цвета с черной зоной между ними, посуда обжигалась при недостаточном количестве кислорода и, вероятно, не очень высокой температуре. Обжиг кошкинских сосудов, как и боборыкинских, вероятнее всего, был костровым и непродолжительным.

Кошкинская посуда плоскодонная и круглодонная, горшковидной, слабопрофилированной и баночной форм. Сосуды разных размеров, высотой до 25 см, с диаметром устья до 30 см и диаметром плоских днищ в пределах 10–15 см. Выступ у днищ менее выражен по сравнению с боборыкинской керамикой. Толщина стенок преимущественно 0,7–1,0 см. Часто круглодонные сосуды орнаментированы полностью, хотя орнамент достаточно разрежен. Часть круглодонных и в основном плоскодонные сосуды покрыты орнаментом на 1/3. Украшались главным образом верхняя, придонная части и дно сосуда. Иногда по краю венчика отмечаются рельефные зооморфные налеты [Ковалева, Арефьев, 1993, рис. 5, 3]. По сравнению с боборыкинской, кошкинская посуда орнаментирована плотнее и разнообразнее. Наряду с горизонтальной, присутствует вертикальная разбивка орнаментального поля, вертикальные зоны заполнены косо поставленными линиями в основном отступающей палочки. Появляется декор в виде взаимопроникающих геометрических узоров, которые получают развитие позднее, в козловских и полуденковских комплексах.

Орнамент выполнен в основном отступающей и раздвоенной отступающей палочкой. По сравнению с боборыкинской посудой сокращается процент мелкой неглубокой ямки, геометрических узоров, но увеличивается доля гребенчатых оттисков.

По сравнению с боборыкинским, на кошкинском этапе меньшее количество неорнаментированных сосудов, оно варьируется от 5,1 % (Мергень 6) до 13,8 % (ЮАО 12). Характерным признаком кошкинской посуды можно считать доминирование орнаментов, выполненных отступающей палочкой, при незначительном числе сосудов, орнаментированных гребенчатыми оттисками, в основном «качалкой». Сочетание на кошкинской керамике признаков, характерных для предыдущего, боборыкинского этапа боборыкинской культуры и последующего, козловского этапа полуденковской культуры (наплыв под краем венчика, взаимопроникающие геометрические узоры), на наш взгляд, свидетельствует об однонаправленном поэтапном развитии неолита в Тоболо-Ишимье.

Таким образом, и в боборыкинском и в кошкинском комплексах фиксируется две орнаментальные традиции, одна из которых, отступающе-прочерченная, развивается, вторая — гребенчатая только зарождается. Отступающе-прочерченная традиция тяготеет к южным и юго-западным территориям Восточной Европы, где, на наш взгляд, совпадает с ареалом расселения древних индоевропейцев. Гребенчатые орнаменты появляются на достаточно широкой территории, в том числе и в Тоболо-Ишимском регионе (рис. 2; 3; 4, 3–5, 7, 8). Рассмотрим возможные механизмы и процесс формирования гребенчатой орнаментальной традиции, с которой в Западной Сибири мы склонны связывать праугорское население. Гребенчато-ямочная орнаментальная традиция имеет более определенный и ограниченный ареал, в неолитическое время распространяется в Приишимье, Прииртышье, частично в Барабе и Северном Казахстане и, возможно очерчивает территорию формирования прасамодийцев.

До появления в Тоболо-Ишимском регионе мигрантов на его территории обитало население, не владевшее навыками керамического производства. Это были в основном охотники, рыболовы и собиратели, судя по исследованным стоянкам, ведущие полуседлый образ жизни. Отсутствие в каменной индустрии наконечников стрел и геометрических микролитов говорит, скорее всего, об их местных корнях. Находки костяных наконечников стрел в древних слоях уральских торфяников косвенно могут свидетельствовать о наличии у обитателей лесных западно-сибирских территорий дротиков, мощных луков или самострелов. Орудия для обработки дерева и деревянная утварь из торфяников указывают на существование у населения развитого производства посуды из дерева и, вероятно, бересты.

Использование для изготовления утвари бересты было характерно практически для всех народов, проживающих на территориях, где произрастает береза. Береста являлась прекрасным материалом для широкого набора изделий: от сравнительно несложных в изготовлении предметов типа чумана (прямоугольный или квадратный сосуд с невысокими стенками, выпол-

Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций...

ненный из одного куска бересты, углы которого сворачивались конвертом) до лодок. У различных этнических групп существует множество способов технологии формовки берестяных изделий, как из одного пласта, так и из нескольких.

В литературе неоднократно говорилось о вероятности наличия в прошлом предметов, аналогичным тем, что были зафиксированы по этнографическим источникам. Так, в бассейне р. Конды были найдены четырехугольные сосуды с невысокими стенками, относящиеся к позднему энеолиту [Кокшаров, 1991, с. 93–94, рис. 1, 24], орнамент на кромке которых в виде косых насечек вполне сопоставим с теми линиями, что образуют стежки обшивки кромки берестяного чумана [Федорова, 1994а, с. 231]; несомненно также и сходство формы самих изделий. В некоторой степени это подтверждается и находками на памятнике Чертова Гора, где было обнаружено так называемое захоронение берестяных вместилищ. Всего обнаружено пять вместилищ, три из них были расположены рядом друг с другом и по реконструируемым признакам с точки зрения исследователей близки этнографическим берестяным туесам: их длина 48 см, диаметр 10–12 см. На стенке одного из туесов зафиксированы нанесенные охрой горизонтальные параллельные полоски шириной 2–3 мм, у другого изделия сохранился диск крышки с четко фиксирующимися по окружности отверстиями от ровного аккуратного шва. Четвертое изделие авторы исследований называют коробкой без крышки, ее размеры 47×16×16 см. Оно имело на торцевой стенке полукруглое «изголовье» со следами шва по окружности. Пятое вместилище напоминает по форме узкий высокий (до 60 см) короб с крышкой (размеры крышки 65×15, высота 14 см). Все находки залегали ниже уровня обнаруженного там же жертвенника, исходя из чего подразумевается их более ранний возраст. По образцам угля, взятым с разных глубин, определены следующие даты: 6400 ± 90 л.н., 6480 ± 65 л.н., 6445 ± 90 л.н., само же функционирование жертвенного места связывается с носителями кошкинской орнаментальной традиции [Сладкова, 2008].

Таким образом, на Чертовой Горе присутствуют все отмеченные для настоящего времени типы берестяных изделий — как прямоугольной, так и цилиндрической формы [Федорова, 1994б]. К группе с прямоугольным дном помимо уже упоминавшихся чуманов относятся резко отличные от них предметы вытянутых пропорций (с узким и длинным прямоугольным дном, овальным или округлым устьем и имеющие более или менее ярко выраженную трапециевидность передней и задней стенки), к группе цилиндрической формы относятся предметы как с вшивным дном, так и со вставным (обычно деревянным).

Вероятно, ряд технологических решений, в частности наложение швов при изготовлении берестяной утвари, нашли свое отображение впоследствии в виде орнаментов на керамической посуде.

Так, при изготовлении некоторых емкостей округлость и прочность устья изделия достигалась вшиванием гибкого черемухового обруча или планки из другой породы. Обруч по устью оборачивался берестой, которая прошивалась сухожильными нитками [Федорова, 2000, с. 228–229]. Стежки накладывались равномерно по всей окружности емкости, иногда группировались по два-три. Шов накладывался в большинстве случаев наклонно к краю изделия (рис. 4, 11, 12, 14), но известны экземпляры со стежками, расположенными горизонтально (рис. 4, 1). В боборыкинской и более поздних культурах с внешней и внутренней стороны сосудов присутствуют гребенчатые отпечатки, которые, на наш взгляд, полностью имитируют швы, с помощью которых в устье емкости крепился деревянный обруч.

При формировании стенок изделий пласты бересты накладывались друг на друга и соединялись сухожильными нитками. Иногда для укрепления боковых стенок больших емкостей вдоль швов нашивали тонкие деревянные планки. Швы или соединения между пластами бересты на берестяной посуде и других изделиях (лодки) часто напоминают ряды «качалки», горизонтальные или вертикальные линии на керамике (рис. 4, 1, 2, 6, 9, 10, 13). Подобные узоры присутствуют на боборыкинской, но чаще — на глиняной посуде кокуйской и шапкульской культур (рис. 4, 3, 5, 8).

У берестяной утвари днища были вставными деревянными (туеса), выполненными из куска бересты с последующим пришиванием (берестяные ведра вит-вит (манси), косум (манси) и т.д.). Ведра изготавливались из прямоугольного куска бересты, один край которого накладывался на другой и прошивался сухожильными нитками крупными стежками. Стенки внизу загибали наружу, для того чтобы они плотнее прилегали ко дну, и пришивали сухожильными нитками [Федорова, 2000, с. 231].

Большинство берестяных изделий связывается с финно-угорскими народами, тусса, по мнению Н.В. Лукиной, появляются относительно поздно и заимствованы у тюркоязычных народов [1985, с. 245].

Необходимо также отметить, что похожие технологии (сшивание) употреблялись и при изготовлении крупных изделий — лодок, покрывал жилищ. Так, ленты бересты на носу лодки могут соединяться швом, напоминающим гребенчатую или гладкую «качалку», горизонтальную, вертикальную или наклонную линию (рис. 2). Вертикальной и горизонтальной строчкой сшивается береста при изготовлении посуды (куженек) чулымскими тюрками [Тюрки..., 1991, с. 68, рис. 10, 1, 3].

Наряду со сшиванием берестяных лент, образующих емкости, пришиванием обручей и вшиванием дна существует множество замковых соединений, которые могли также служить прообразом орнаментов на глиняных сосудах («качалки», рядов наклонных и вертикальных линий).

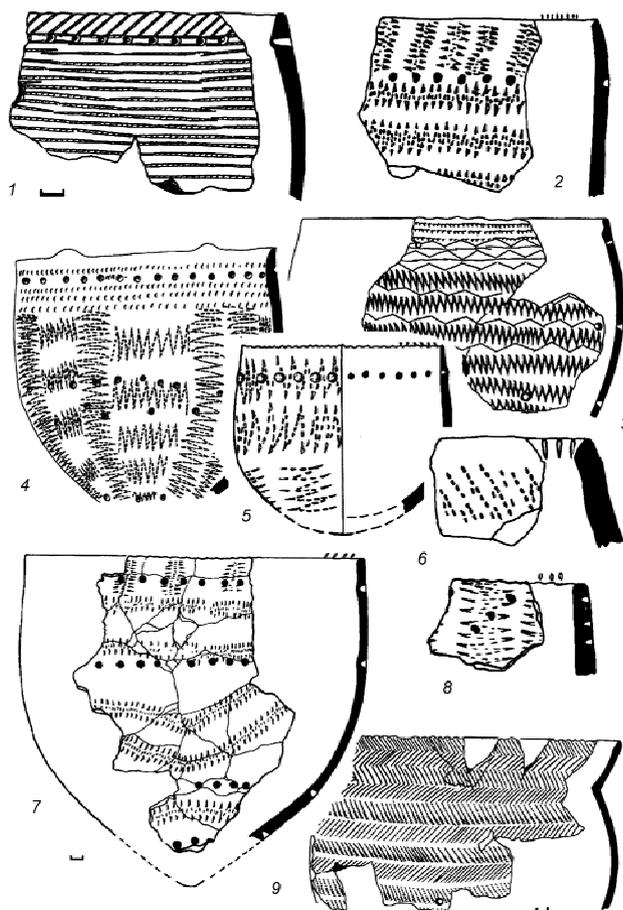

Рис. 2. Посуда с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом с территории Тоболо-Ишимья: 1, 3, 9 — Ук 6; 2 — Боровлянка 2; 4 — Кокуй 1; 6 — Мергень 6; 5, 7, 8 — Серебрянка 1

Еще одним свидетельством возможной взаимосвязи берестяной утвари и керамической посуды являются источники по этнографии конца XIX — начала XX в. «...43 года назад в Петрозаводске откуда-то услышали, что крестьяне Олонецкой губернии занимаются изготовлением самоваров из бересты. За подписью губернатора (он же — председатель Олонецкого Губ. Статистического Комитета) и старшего чиновника особых поручений (он же — заведующий музеем) 25 или 24 февраля 1886 г. был разослан семи исправникам губернии запрос об этом, состоящий из целого ряда пунктов: “в какой именно местности они изготовляются, как велико число работающих их, какое они имеют назначение и с какого времени и по какой причине возникла необходимость изготовлять подобные самовары, в каком количестве они ежегодно изготовляются и не идут ли в продажу, если идут, то куда именно, по какой цене продаются и как велика

Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций...

доходность от этих изделий". При этом предписывалось представить 2 экземпляра означенных самоваров. Во исполнение этого предписания, исправляющий должность Лодейнопольского уездного исправника помощник его прислал рапорт от 8 марта того же года, что "изготовлением моделей самоваров из бересты занимался в Лодейнопольском уезде только крестьянин Шимозерской волости деревни Кленозеро Димитрий Валатай, ныне умерший, не оставивший после себя своих произведений и не передавший своего знания другим лицам". Валатай был вепс.

Другой исправник, пудожский, от 11 марта того же года представляет в Губ. Стат. Комитет рапорт другого рода, сообщая: "Крестьяне вверенного мне уезда изготовлением самоваров из бересты не занимаются... (но) во время лесных работ крестьяне иногда, за неимением котла, употребляют бересту, или березовую кору, которой придают неправильную форму котелка, и на огне кипятят воду для чая или же варят уху". 26 марта пудожскому исправнику предписано представить для Олонецкого Естественно-Промышленного и Историко-Этнографического Музея два экземпляра котелка из бересты, которые им и высланы при бумаге 15 июня. Так образовалось дело № 5 1886 года Олонецкого Губе[р]нского Статистического Комитета: "О доставлении самоваров, изготовленных из бересты". Употребление берестяной утвари для тех же целей фиксируется там же и в более позднее время. Берестяной котел, наполненный водой, подогревают на легком огне. Как правило, делают котлы небольших размеров; обычно вода закипает минут через 20–25, и можно снова доливать котел водой. Это до самого последнего времени отмечалось в Пондальском районе б. Белозерского уезда (В 1923 г. присутствие здесь берестяных котлов отмечалось студентами-этнографами Н.Г. Шпринцин, А.Н. Павловым и др.). Один из таких котлов и в настоящее время хранится в кабинете финно-угро-самоедского цикла этнографического отделения Ленингр. Гос. Университета» [Макарьев, 1931].

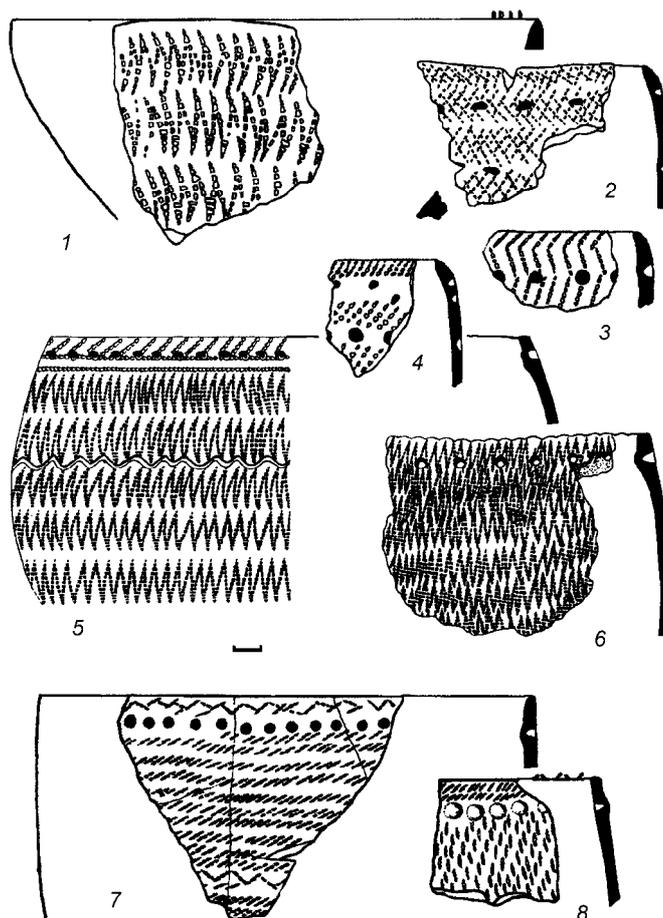

Рис. 3. Посуда с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом с территории Тоболо-Ишимья: 1 — Боровлянка 2; 2–4 — Тюляшов Бор 2; 5, 6 — «8-й пункт» (ЮАО 18); 7, 8 — Серебрянка 1

Рис. 4. Сходство между орнаментами на глиняной посуде и швами на берестяных изделиях: 1, 2, 6, 9–14 — современные изделия из бересты; 3, 4 — Юртобор 3; 5 — Усть-Суерка 4; 7 — Ук 6; 8 — Кокуй 1

Ранняя керамическая посуда в Тоболо-Ишимье была принесена мигрантами, а впоследствии в связи с экзогамией и последующими ассимиляционными процессами стала использоваться и местным населением. Механизм развития керамического производства и формирования местных орнаментальных традиций, на наш взгляд, мог протекать следующим образом. Постепенно замкнутость немногочисленных пришлых коллективов, у которых были разорваны прежние брачные связи, разрушалась, мигранты вступают с местным населением в контакты, в том числе брачные. Женщины-аборигенки перенимают навыки изготовления глиняной посуды и, наряду с использованием традиционных орнаментов пришельцев, вырабатывают собственные орнаментальные каноны, в том числе, возможно, имитируя на керамике швы, скрепляющие полосы местной берестяной посуды. Впоследствии имитация превращается в орнамент (рис. 4, 1, 2, 6, 9–14). Некоторые узоры, в частности гребенчатая и гладкая «качалка», горизонтальные и вертикальные линии гребенки, вероятно, появляются в результате «подражания» сшиванию отдельных блоков берестяной посуды, так же как это отмечается на керамике эпохи раннего железного века Верхнего Приобья, на которой присутствуют элементы орнамента, воспроизводящие швы на кожаных сосудах [Бородовский, 1983].

Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций...

Скорее всего, не случайно сходство гребенчатых орнаментов на посуде из 7 горизонта позднелепесточеновых отложений памятника Усть-Каренга, расположенного на Витимском плоскогорье [Ветров, 2006, рис. 2] и аналогичных орнаментов из Западной Сибири. Возможно, в обоих случаях орнаменты конвергентны, но формируются, видимо, в результате имитации различных швов, присутствовавших на посуде из бересты или других мягких материалов. Орнаменты представляют собой в основном ряды горизонтальной, иногда вертикальной гребенчатой «качалки», вертикальные или горизонтальные ряды гребенки в верхней части сосудов. Различие заключается в том, что на Усть-Каренге гребенчатые вдавления, не считая технических следов,— это основная техника нанесения узора, а на памятниках Тоболо-Ишимья гребенчатое орнаментирование как традиция только складывается. В первом случае, вероятнее всего, имеет место автономное появление или проникновение идеи изготовления глиняной посуды, а во втором — на территории Тоболо-Ишимья — непосредственная миграция носителей отступающе-прочерченной традиции орнаментации посуды.

Таким образом, происхождение керамического производства в лесостепном и южно-таежном Приоболье и Приишимье, и боборыкинской культуры в частности, связано, на наш взгляд, с прямой миграции групп населения, вероятно, из районов Приаралья и Прикаспия. В результате экзогамии и последующих ассимиляционных процессов в керамическое производство вовлекается аборигенное население (женщины) и в Тоболо-Ишимье начинают формироваться местные орнаментальные традиции, одним из приемов в составе которых являются гребенчатые вдавления. В боборыкинских и кошкинских керамических комплексах гребенка составляет от 1,3 до 22,2 %, в последующее время ее количество возрастает до 90 % (в сосновостровских комплексах) и практически до 100 % (в шапкульских и екатерининских). На ранних этапах в Тоболо-Ишимье отмечается использование штампа в виде горизонтальных или вертикальных рядов, в основном гребенчатой «качалки», но впоследствии в Приоболье и Приишимье фиксируются две различные орнаментальные традиции — гребенчатая и гребенчато-ямочная соответственно. В первом случае развитие идет от боборыкинской культуры к козловским, полуденковским, сосновостровским и шапкульским комплексам [Зах, 2005б], во втором — от боборыкинских к кокуйским, близким сосновостровским, и далее к екатерининским [Зах, 2004].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н.* Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157–171.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. С. 193–217.
- Бородовский А.П.* К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка 1) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, МП РСФСР, 1983. С. 51–56.
- Ветров В.М.* Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 173–176.
- Вискалин А.В.* Пути неолитизации Волго-Камья: (К постановке вопроса) // Тверской археологический сборник. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 274–283.
- Ермаков В.К., Зах В.А., Ермакова В.А.* Петрографический анализ керамики эпохи неолита — раннего железа лесостепного Зауралья // Актуальные проблемы западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 75–78.
- Зах В.А.* О некоторых методах изучения древней западносибирской керамики // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 3–9.
- Зах В.А.* Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // ВААЭ. 2004. № 5. С. 4–12.
- Зах В.А.* К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005а. С. 60–70.
- Зах В.А.* Орнаментальные традиции в Западной Сибири // ВААЭ. 2005б. № 6. С. 4–11.
- Зах В.А., Фомина Е.Н.* К вопросу о происхождении андреевской культуры // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 14–21.
- Ковалева В.Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Ковалева В.Т., Арефьев В.А.* О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // ВАУ. 1993. С. 107–119.
- Кокшаров С.Ф.* Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. 1991. Вып. 20.
- Комарова М.Н.* Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991.

Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: Генезис и связи // Тверской археологический сборник. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 215–223.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов: (Восточная группа). Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 364 с.

Макаръев С.Л. Береста в ве[с]ком быту // Финноугроведение. 1931. Вып. 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tues.narod.ru/statyi/20/20.html>.

Молодин В.И. Проблема мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. С. 3–17.

Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 3–44.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во УрО РАН, 1995. 222 с.

Мыльникова Л.Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 160 с.

Пошехонова О.Е. Особенности керамического производства у неолитического населения Тоболо-Ишимья // ВИАЭ. 2004. № 5. С. 20–26.

Сладкова Л.Н. Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чертовой Горе в Кондинском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 4. С. 153–161.

Собольникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита — ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1999. 22 с.

Собольникова Т.Н. Неолитическое поселение Чертова Гора на р. Конде // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: Изд-во СурГПИ, 2001. С. 4–11.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 209–214.

Тюрки таежного Причумылья: Популяция и этнос / Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Р.М. Бирюкович и др. Томск: ТГУ, 1991. 246 с.

Федорова Е.Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX — первая половина XX века // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб.: Наука, 1994а.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: Изд-во МАЭ, 1994б. 283 с.

Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 365 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН;
viczakh@mail.ru;
dnisaev@mail.ru

The article considers a question on origin of pottery making in Tobol and Ishim region and development of local ornamental traditions of combed culture in the Low Tobol basin and of combed-pitted culture in the Low Ishim basin. Making of dishes and retreating-scratched ornamentation was introduced by bearers of the Boborykino culture into the medium of local Mesolithic population. In the process of assimilation aboriginal women began to ornament pottery in their own manner, starting probably with imitating seams maybe of birch-bark vessels. Analyzing seams on modern birch-bark articles, one can find analogies with ancient ornaments, such as "stepping comb", as well as rows of horizontal and vertical prints. Gradually, most probably due to ethnic differences between the population of the Low Tobol basin and that of the Low Ishim basin, the combed tradition disintegrated into two areas: combed and combed-pitted ones, respectively.

Tobol and Ishim region, appearance of pottery, the Boborykino and Koshkino dishes, sewing birch-bark together, imitation of seams, combed and combed-pitted ornamental traditions.